

структура, образы остаются теми же самыми. В алхимии мы находим блестящее подтверждение этому.

Алхимическое озарение давало адепту знание законов, коим подчиняются Творение и человек, а также знание того, что происходило при самом зарождении мира, в котором мы живем, и что произойдет при апокалиптическом конце теперешнего земного цикла.

Дать адепту подлинную психическую лестницу, по которой бы он взошел к «вышним водам» (туда, где витают образы - универсальные, приемлемые для всякого рода потребности, - коллективного бессознательного, принадлежащего человечеству), - такова была цель внутреннего озарения, психического откровения, происходящего по мере продвижения адепта через этапы Великого Делания.

Приведем еще и другие примеры символов, применявшихся алхимиками периода Средних веков. Андрогин символизировал собой неразрывное единство противоположных начал Великого Делания. Превращение в летучее устойчивого символизировалось орлом с развернутыми крыльями, тогда как фиксация летучего была представлена грудой птиц, которые попирались ногами.

Целый ряд символических образов передавал столкновение двух противоположных природ в недрах материи Великого Делания. Так, Николя Фламель писал по поводу одной из иллюстраций в «Книге иероглифических фигур»:

«Эти двое [которые у Авиценны получили название суки и кобеля] соединились в сосуде погребения и ожесточенно кусают друг друга, пуская в ход весь имеющийся у них яд и со всей присущей им яростью, никогда не отпуская друг друга с того самого момента, как они схватились...»

Весьма дорог был алхимикам также и образ навигации. Прочитируем отрывок из манускрипта Николя Валуа, нормандского адепта XV века:

«Мудрецы называют все свое делание морем и говорят, что тело сводится к воде, из которой оно первоначально состояло, и она называется водой моря, поскольку это воистину то самое море, в котором многие мудрецы, совершая плавание, потерпели кораблекрушение, не имея той путеводной звезды, которая постоянно сопутствует однажды познавшим ее. Это та самая звезда, которая указывала путь волхвам при рождении Сына Божьего, и она же дает нам возможность узреть рождение сего юного царя».

Алхимик видел, как в философском яйце, в момент закипания заключенной в нем жидкости, начинает бушевать настоящая буря - воспроизведение в миниатюре подлинного шквала, поднимающего морские волны; затем он наблюдал «окончание потопа»: воды успокаивались, мрак рассеивался, и воздух в реторте вновь становился чистым. Универсальная жизненная сила ассоциировалась с образами Божественного моря. Алхимик возвращался в своем воображении к первобытному хаосу, к тому, что происходило в начале земного цикла, еще до того, как стали зримы происходившие на земле процессы. Алхимик, мнивший себя подлинным Творцом, должен был уметь производить чудесные превращения через формирующий свет, через огненный дух.

Алхимик лелеял в себе надежду перейти от двойственности к единству, найти средство для улавливания энергии Солнца, этого очага нашей Вселенной.

Использование орла в качестве символа сублимации и летучести понималось как нечто само собой разумеющееся: эта царственная птица поднимает в небо то, что хватает на земле.

Что же касается внутренне переживаемого возвращения к истокам мира, то не служит ли оно напоминанием о золотом веке и садах Эдема?

Мартин Ортолан, алхимик, живший в конце Средних веков, выбрал себе в качестве герметического псевдонима фамилию, вызывавшую ассоциацию с садом (Hortulanus, Садовник), и это не случайно, ведь алхимики, как мы уже ранее упоминали, любили называть себя небесными земледельцами.